

КРОКОДИЛ

№6

1980

ISSN 0130-2671

А. КРЫЛОВ - 80.

ПОДНОЖКА

КОНТРОЛЬНЫЙ ВИЗЕРМПЛАР

Рисунок А. КРЫЛОВА

Что ж, информируем всех, всех, всех, что совхоз-таки выполнил план по кормам. И какие получились корма! Да ведь их нужно было бы раздавать, как крупы золота, несмотря даже на то, что заготавливалось сено, а получилась солома, и к тому же напрочь лишенная биологических и гастрономических качеств.

Подсчитаем. Укошенное вручную ко-

щих кормами...

Короче, если взять на круг, то оно было бы, наверное, дешевле, если б вообще не посылать шефов в некоторые хозяйства. А, может, ежели вообще траву не косить, оно было бы еще способней? Коли хозяйства сами относятся к заготовке кормов по методу «хоть трава не расти». И поелику вырванную из ледяных объятий солому все

ЛЕДЯНЫЕ КУБИКИ

«Уважаемая редакция! Много лет наша семья читает «Крокодил»... Прочитали мы и критические корреспонденции о безобразной заготовке кормов в Новгородской и Орловской областях и полагаем, что у нас в Магадане «перещеголяли» орловцев и новгородцев в этом вопросе.

Я работаю на заводе слесарем и три года подряд с моими коллегами-работниками выезжал в подшефный совхоз «Красный богатырь» на сенокос. Но теперь меня и моих друзей по бригаде сенокосчиков туда и бульдозером не затащить...»

А. М. Волков,
пос. Ягодное
Магаданской области.

Приступая к работе над этим монологом, я задумался о себе и о некоторых страничках моей биографии. Признаюсь, я тоже неоднократно принимал участие в сельскохозяйственных работах. До сих пор не могу вспомнить об этих эпизодах без содрогания, и, по всей видимости, я даже подлежу некоему моральному приводу за урон, нанесенный сельскому хозяйству. Это и я виноват в том, что колхоз «Пахарь» недобрал некоторые виды культур в пятидесятые годы. Там, идя по километровой грядке за картофелеуборочной машиной, я, каюсь, сбирал лишь целые плоды, а половинки и четвертинки по наивности затапывал в грязь. Это и на моей совести не взошедшая в совхозе «Победа» помидорная делянка, кою я «засеял» огуречной рассадой. Это мне и моим городским коллегам чуть не удалось заморить колхозное поголовье «Знамени», ибо сено мы ворошили лопатами, а скирдовали его же тяпками...

После этой явки с повинной на страничку журнала могу смело заявить, что я всем сердцем вместе с автором письма — Александром Михайловичем Волковым. Он пишет далее, что обитателям центральных областей, возможно, и не снилось, как происходит сенокос в совхозе «Красный богатырь» Ягоднинского района. Кампания начинается в июне и завершается аж в конце ноября, под аккомпанемент пурги и штормовых ветров, в сорокапятиградусные морозы, когда приходится откалывать заледеневшие копны, работая по пояс в снегу. «А если кто малого роста, — пишет А. Волков, — то только голова видна из сугроба...»

сарями сено лежит в копнах по 300 килограммов в течение четырех месяцев под дождем и полярными морозами. Все это время косари сидят в шалашах, ожидая тракторов и конновозов, и ждут бесплатно. Так сказать, за аплодисментами, ибо вынужденный простой не компенсируется. Верно, на городском производстве сохраняется половина зарплаты. Но за что, если прямо-то говорить? Тоже за простой?.. Пойдем далее:

«...В мороз, — пишет А. М. Волков, — без продуктов, воды и дров некоторые сенокосчики не выдерживают существования в шалашах из бумаги, пропитанной битумной смолой, и уходят домой, чтобы там все же ждать стоговки. Иначе не дадут справку из совхоза с тем, чтобы приступить к работе на основном производстве...»

«Малодушие» это наказывается, отметим мы, дважды. Во-первых, совхозом, который записывает шефам прогул, а во-вторых, абсолютно беспощадным морозом, каковой стережет сенокосчика на пути и сваливает его бронхитами и обморожениями в постель. Лично же товарищ Волков, героически оставшийся во времянке, подхватил воспаление сухожилий руки и таким образом выбыл из строя не только на селхозфронте, но и на родном заводе. И опять государству приходится платить. Да, да! Не руководству совхоза, но государству. Всем нам приходится расплачиваться за производство ледяных никчемных кубов, слыву-

равно никакая, извините, животная жрать не будет...

«Нет, — пишет Александр Михайлович, — ни то, ни другое и ни третье. Надо просто изжить иждивенчество отдельных хозяйств, а мы с дорогой душой постараемся помочь. Мы люди рабочие, ответственные и деловые. Наши лично косы не заржавеют. Но помощь будет ценна лишь в том случае, если и подшефные не будут валяться на печи...» Золотые слова, дорогой Александр Михайлович! И вовремя сказаны.

А в заключение еще раз дадим слово рабочему Волкову:

«То, что журнал критиковал новгородцев и орловцев, — это справедливо. Нашим же подшефным районное управление сельского хозяйства лишь читало легкие нотации. Мы не призываем к каким-то особым карам: деревня город кормит, и ей во многих отношениях бывает трудней, чем горожанам. И все-таки вспоминается, как в первые послевоенные годы отдавали за пуд сена мешок картошки! А тут остаются их сотни пудов под снегом...»

Что касается сатирика, прокомментировавшего письмо тов. А. М. Волкова, то он к этим словам прибавить пока больше ничего не может. Разумеется, если уж очень, что называется, подопрет, то он и скирдовать поедет, и молотить, и полоть.

Но вот много ли из меня будет толку?

Вл. МИТИН.

А. Суконцев

Время всюду диктует свои законы. Возьмите эпистолярный жанр. Как писали наши прадеды в прошлом, скажем, столетии? «Примите мои искренние уверения в совершеннейшем к вам почтении».

Сегодня даже самые теплые, дружеские новогодние поздравления завершаются, как правило, кратким и выразительным «Привет!».

Об официальной переписке и этого не скажешь. Какие уж там «искренние уверения!» «Привет», и те редко встретишь.

«Отдел внутренних дел исполкома Горловского горсовета просит подтвердить выдачу вами паспорта серии XIV-ЛС № 510129 от 7.08.1956 г. на имя гр. Шаповаловой В. И.» Подпись.

Строго, сдержанно, скупо.

Однако, как выяснилось, и это не предел краткости. Казимир Магомедский, отдел внутренних дел Азербайджана, куда был адресован этот запрос, счел вообще излишним тратить драгоценное время на какие-либо письма.

Три месяца — ни ответа, ни привета!

Семидесятилетняя, не очень здоровая (к тому же женщина, честно сказать, вполне могла бы и обойтись без нежных приветов. Но вся беда в том, что ей надо менять паспорт, а процедура эта застопорилась. Бабушка волнуется, переживает...

И это, между прочим, тот случай, когда одна организация официально обращается к другой организации. Со всеми исходящими и входящими, как полагаются.

А что же бывает, когда в переписку вступает частное, так сказать, лицо?

А бывает разное.

«Я с грудным ребенком не могу получить трудовую книжку, — пишет учительница Раиса Андреевна Труфанова. — Мне нужно оформиться на работу, а выехать за книжкой из Донецкой об-

— Дорогу бы расчистили! Чего ждете?
— Шефов...

«...Какими бы темпами мы ни развивали энергетику, сбережение тепла и энергии и впредь будет важнейшей общегосударственной задачей».

Из материалов ноябрьского (1979 г.) Пленума ЦК КПСС

БАННЫЙ ДЕНЬ

ласти, где я сейчас живу, в Курскую, где я работала, не могу: ребенок часто болеет.

Трижды я писала в Касторенское роно Курской области тов. Лентюгову Дмитрию Кузьмичу, просила войти в мое положение, но мне даже не ответили.

Пожаловалась в Курское облоно, оттуда мне прислали приказ, а трудовой книжки так и нет. Считаю, что это просто издевательство над моим бессилием и материнством. Что же мне делать? Декретный у меня кончился, мужа призывают в армию, а я без трудовой не могу устроиться на работу».

И это, заметьте, происходит в кругу работников просвещения, воспитателей юношества. А вы говорите «в совершеннейшем к вам почтении...».

У А. И. Полякова шансов подвезать лично к руководителям Самаркандского завода бытовых холодильников, чтобы в устной беседе выяснить с ними свои отношения, еще меньше, чем у донецкой учительницы.

Самарканд, он где? Самарканд, он на юге, он в солнечном Узбекистане. А Поляков со своим поломаным холодильником где? Поляков проживает в да-алеком-предалеком городе Петропавловске - Камчатском, на улице Рябиновой. Эвон куда он забрался!

Пишет Поляков-камчатский письмецо в знойный Самарканд, прилагает к письмецу дефектную ведомость, составленную в местной мастерской «Рембытмашприбор» по всей форме. Слезно просит камчадал заменить выбывший из строя агрегат.

Долго идет письмо с Камчатки в Узбекистан. Пароходом, видно, плывет. Верблюжьим караваном, наверное, доставляется. Месяц плывет, два доставляется..

Дошло ли оно туда в конце концов, отправитель так пока и не знает.

А ведь время беспощадно диктует свои законы не только в эпистолярном жанре. Оно неумолимо и по отношению к тем гарантийным обязательствам, которые самаркандский завод выдал своим покупателям. Не успеет камчатский Поляков отправить в Самарканд еще два-три каравана со своими письмами, как ему дадут понять: были гарантии, да все вышли.

И — с приветом! Нет, мы вовсе не призываем вернуться к тем далеким временам и каждое деловое письмо заканчивать витиеватыми уверениями в почтении и преданности.

Но если в одно учреждение обратилось с письмом другое учреждение или просто гражданин — клиент, покупатель, заявитель, кто угодно, — на каждое такое письмо у нас полагается отвечать. Даже очень строгие сроки установлены, и ответственность определена в случае чего...

Так что — извольте исполнять свои прямые служебные обязанности, граждане хорошие.

ТОПЯТ ТАК, ЧТО НЕБУ ЖАРКО

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Редакция журнала «Крокодил» посетила выставку и с удовольствием обнаружила работы своих художников: А. Алешичева, Г. Андрианова, М. Вайсборда, Е. Милутки, Г. и В. Караваевых, А. Скотаренко, И. Сычева, Ю. Черепанова и многих других.

Кроме того, редакция искоса наблюдала за публикой и насчитала на ее лицах сто шестьдесят девять улыбок, что приблизительно совпадает с количеством выставленных работ.

В небольшой книжке, недавно выпущенной издательством «Советский писатель», можно найти имена более пятидесяти поэтов. Правда, их произведения представлены лишь несколь-

кими строками. А остальное дописал Александр Иванов, назвавший свой новый сборник пародий «Пегас — не роскошь». В нем два раздела — «Старые знакомые» и «По первому следу», что говорит само за себя.

Рекомендовать автора нет нужды: читателям «Крокодила» отлично известны его многие по-доброму злые пародии. Одно неосторожно оброненное печатное слово — и Иванов («Что ждуть от Иванова?!») уже тут как тут. Пошады не будет.

Мы поздравляем коллегу с очередной книжкой. Надеемся на новые встречи.

«Эта комическая история произошла в одном из городов... В институте античной культуры».

Вот уже полтора десятилетия звучит эта фраза на подмостках многих театров как в нашей стране, так и за ее пределами. Ею начинается известная пьеса Леонида Зорина «Добрряки». В центре ее — история возвышения некоего Гордея Петровича Кабачкова, предприимчивого молодого человека, сумевшего ловко сыграть на «добrote» сослуживцев. Мы берем это слово в кавычки, поскольку доброта на поверку оказалась не добротой, а беспринципностью, за которую взрастившие Кабачкова ученые мужи были жестоко наказаны.

Теперь эта история разыгрывается не только на сцене, но и на киноэкране в одноименном фильме... «Перевод» осуществил на «Мосфильме» молодой кинорежиссер Карен Шахназаров. В главной роли снялся Георгий Бурков. Получилось, на наш взгляд, смешно.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Мне недавно пришлось брать интервью у одного товарища. Дело это для корреспондента самое обычное, и за последние тридцать лет оно у меня трудностей не вызывало. И вот на тебе! Совершенно непредвиденная ситуация: товарищ вообще и категорически отказывается дать мне интервью.

Тут надо сказать, что вопрос был щекотливый, и я нарочно явился к этому товарищу домой. Чтобы провентилировать ситуацию в спокойной обстановке. (И он был поставлен об этом в известность.)

Однако вот такие затруднения! Владимир Сергеевич Астахов (лицо, приближенное к этому товарищу) сказал:

— Пойду приглашу его еще раз.

И вновь возвращается смущенный.

— Нет,— говорит,— не идет. Говорит, надоело.

— Что именно надоело?

— Вот эти самые интервью.

И по тому, как несмело действовал Владимир Сергеевич, и по некоторым другим причинам я спросил:

— А вы кто ему, отчим?

— Нет,— обиделся Владимир Сергеевич.— Я отец. Отец с самого начала.

— Ну,— говорю,— хорошо. Сам пойду поговорю.

Легит мой товарищ с головы до ног укутанный одеялом. Одним словом, не подступиться.

Я говорю:

— Слушай, Сережа. Если ты не уважаешь меня, то уважай хотя бы «Крокодил», корреспондентом которого я являюсь.

Одеяло приоткрывается, и я вижу, что лежит Сережа в полном обмундировании: свитер, брюки, вот только ботинок не разглядел.

Я говорю:

— Твоя мама прислала письмо, и мне надо с тобой поговорить.

Сережа отвечает каким-то странным голосом, который меня сразу насторожил:

— Вам мама написала — вы с ней и разговаривайте. А я вам ничего не писал!

И снова закрылся одеялом. Интервью закончено! Я сижу и раздумываю. Есть несколько способов продолжить разговор. Ну, скажем, райком комсомола, школа, где он учится, на худой конец милиция, но это все не то. Потому что с милицией это будет уже что-то вроде допроса, но никак не доверительная беседа, которая нужна в данном случае.

Чтобы читателю было понятно, надо объяснить, что это за «данный случай» и что за письмо в редакцию.

Как известно, в воспитании подростка главным образом участвуют такие могучие силы, как папа, мама, школа... После памятного общения с Сергеем я подумал, что вряд ли одна сторона сумеет добиться таких «выдающихся» результатов, действуя самостоятельно. Здесь скорее всего требовались объединенные усилия. И этот прогноз, к сожалению, оказался не так далек от действительности.

Около двух лет назад Сергей успешно закончил восемь классов. О нем хорошо отзывались учителя и товарищи, и казалось, что дальше идет только один лучезарный путь — закончить десятилетку. Но сейчас на одном лучезарном пути свет клином не сходит. В разгар лета у Сергея возникло новое решение — поступить в строительный техникум. К сожалению, оно возникло поздно, приходилось поспешать, чтобы успеть подать в техникум заявление и документы.

Однако в школе документов Астахову не отдали. Учителя пытались убедить его остаться учиться в девятом классе. Можно не сомневаться, что это было сделано из лучших побуждений, однако это было ошибкой, за которой последовали все остальные. Попытки получить документы через горно тоже толку не дали, и Сергею пришлось идти в девятый класс вопреки своему желанию. Что за этим последовало — неприятно вспоминать.

Сначала вроде бы на горизонте не было никаких туч. Анна Кузьминична привыкла гордиться успехами сына, и в начале года поводов для бес-

покойства не было. Гром грянул в конце четверти, когда сын принес несколько двоек. К тому же выяснилось, что он пропускает уроки, хотя родители пребывали в уверенности, что он сидит в школе.

Здесь надо сказать, что Анна Кузьминична, энергичная женщина, несколько лет возглавляла родительский комитет в этой самой школе № 7, но в педагогике разбирается слабо. Поэтому она по делу и без дела зачастила в школу, пытаясь самостоятельно осуществить контроль за посещением уроков. Но лучше от этого не стало. В школе на ее претензии ответили в том смысле, что прогулы в школу, как и всякие другие прогулы, находятся скорее в ведении милиции, и пообещали в скором времени прийти на дом вместе с участковым уполномоченным. К общему благополучию этот «педагогический» ход не был сделан.

Но время шло, а положение не менялось. Тогда Анна Кузьминична стала писать во все концы. Суть ее просьбы — восстановить статус-кво. То есть чтобы сын ходил в школу и хорошо учился. Не более.

Понять ее можно, потому что мать до крайности встревожена и не знает, что делать. Однако в какой-то мере можно понять и сына, который стесняется опеки и не знает, куда деваться от этой ужесточенной бдительности.

Одно из таких писем пришло и в «Крокодил». К этому времени в школе побывала уйма всяких комиссий и над Сергеем уже как бы шефствовали инструкторы обкома КПСС и горкома КПСС. Во всяком случае, они регулярно справлялись в школе по телефону, как обстоят дела. И все предыдущие комиссии беседовали со всеми причастными лицами долго и обстоятельно. Неудрено, что мое интервью пришлось не ко времени.

Ну, а папа? Какие функции воспитания осуществлял в этот напряженный период Владимир Сергеевич Астахов? К сожалению, на этот вопрос затруднительно ответить. Астахов — водитель грузовых машин, ездит в дальние рейсы и в основном озабочен тем, чтобы обеспечивать семью деньгами. Это у него получается, в доме чувствуете достаток: и ковры, и хрусталь, и магнитофон, и так далее. Но, к сожалению, о многих перипетиях с сыном Владимир Сергеевич даже не слышал. Он не знал, что сын решил вместо девятого класса пойти в техникум, в какой именно техникум (наклонности-то сына надо было знать!), не знал, что жена написала в «Крокодил» в таком вот духе... Но ведь отсутствие воспитания — тоже своего рода воспитание.

Самое странное, что все печальные результаты получились из самых лучших побуждений. В школе, например, учителя убеждены, что, предлагая Сереже остаться в школе, они тем самым уберегли его от вредоносного влияния «улицы», считая, что школьные, проверенные товарищи дадут ему только хорошее. Но то, что из этого вышло (взять хотя бы Сережину успеваемость), позволяет сомневаться в правильности таких мер.

Что касается его матери Анны Кузьминичны, то она в своем стремлении образумить сына только подливает масло в огонь. Мне было даже как-то неловко слушать ее жалобы на сына, который ходил буквально рядом, в соседней комнате, и, видимо, чувствовал себя не очень-то хорошо. Надо постараться создать в семье дружелюбную обстановку и дать возможность Сергею спокойно закончить десятый класс.

А пока в результате общих усилий ситуация сейчас сложилась редкостная, какую увидишь не во всякой школе. Дневник Астахова не читает двойками, уроки он по-прежнему пропускает. Но спасибо товарищам по классу, которые шефствуют над ним и, надо сказать, спуска не дают.

Перед началом занятий одноклассники Сергея секретарь комсомольской организации Люда Соколова и Дина Сергиевская с беспокойством поглядывают на часы. Когда до звонка остается пять минут — бегом к нему домой, благо Астахов живет недалеко от школы.

Так и есть, лежит, читает книжку. — Давай моментально собирайся — и в школу. А то нас подводишь!

Поскольку Сергей — хороший товарищ, то хочешь не хочешь надо идти. Сергей собирает свой «дипломат» и вместе с девочками является на уроки. Иногда «дипломат» шефами отбирается тут же, дабы предупредить возможное исчезновение Астахова с остальных уроков.

И никто не хочет знать, что парень готов учиться, но не здесь, а в техникуме. Странная штука педагогика!

г. Реутово Московской области.

Сергей Сергеевич

Сказка Родителей

Волк ест Волк

(Разбойникам-агрессорам)

Он заклеимлен, разбойник Волк.

Но вновь Зубами щелк да щелк: — Я сам себе — икона, Персона Вне закона!..

Змея и Пчела

Для чего у Змеи ядовитая Пасты? Для того, чтоб ее распахнуть и — напасть.

Для чего у Пчелы ядовитое Жало? Чтоб трудилась Пчела И — врагов отражала!..

Ангел — перестраховщик

У Ангела спросили про НЛО*. А он изрек, вздохнувши тяжело, Мол, «к черту — все догадки, все прозренья, Коль нет Официальной Точки зренья!..»

* НЛО — неопознанные летающие объекты.

Корень Зла

Добродушие — Равнодушия.

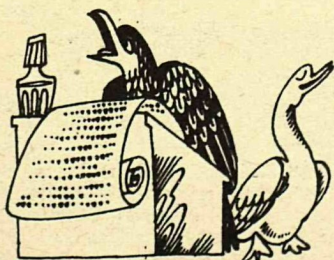

— Ну как, расписались?
 — Опомнися! Уже разводиться идем...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Общее мнение

С чего бы сам Орел,
 как пустомеля,
 Весь свой доклад лепечет еле-еле!
 А сей доклад,
 Похоже по всему,
 Не сам Орел,
 а Гусь писал ему...

Кукушкина тыткаость

— Ку-ку, ку-ку! —
 Ты стала взрослой птицей,
 И в личной жизни —
 полный колорит.
 А как теперь живут
 твои кормильцы!
 — Да мне они —
 до феньки! —
 Говорит.

"Одно-то-Звонётик"

Он не терзался — «Или — или!»,
 Не утруждал ни рук, ни ног.
 О нем
 лишь
 сверху
 позвонили,
 И все решил один звонок.

Не реклама, а факт

Зуб Мудрости
 вдруг
 вырос у Осла.
 Но Мудрость у Осла не возросла.
 Отсюда вывод,
 жизненный сугубо,—

Что Мудрость
 Происходит
 Не от Зуба.

Лунные сонатики

Защелкал Соловей в ночи.
 А Волк ему:
 — Звучи, звучи!
 Тебе я тоже подтяну!..
 И воет —
 Воет
 На Луну.

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Повесть-фельетон

4. Фемида под лестницей

Готовность, с которой Султанов брался освободить из заключения человека с мраморной рукой, объяснялась просто: в городском суде у него был свой человек — судебный исполнитель Марат Заиграев.

Дружба работника суда и служителя прилавка зародилась еще в те годы, когда Заиграев был простым страховым агентом, а Султанов — инспектором по кадрам в местном общепите. И пышно расцвела к тому времени, когда первый стал исполнителем приговоров высшей судебной инстанции города, а второй — главой солиднейшей городской фирмы.

Друзья часто бывали друг у друга в гостях, выезжали на пикники и вообще редкий день могли обойтись друг без друга. Волею случая Заиграев жил в доме, в полуподвале которого находилась распределительная база фирмы, и Султанов после совершения утренних формальностей поджидал у подъезда судебного исполнителя, который к тому времени отправлялся на работу. Друзья нежно брали один другого под руку и некоторое время прогуливались взад-вперед, дыша свежей утренней прохладой.

Функции судебного исполнителя сводились в основном к тому, чтобы взыскивать алименты с беглых отцов и контролировать уплату штрафов нарушителями общественного порядка. Султанов же был убежден, что возможности Заиграева выходят далеко за пределы его служебных обязанностей и выпустить из тюрьмы осужденного для него так же просто, как директору торговой фирмы «Сувениры» приобрести кофейный сервиз на шесть персон. И Заиграев всячески поддерживал в нем эту уверенность.

— Я хоть и не председатель горсуда, но!.. Тут судебный исполнитель многозначительно покашливал. — Не всякий председатель сможет сделать то, что смогу я...

И в доказательство перечислял с десятков фамилий людей, которые вдыхают аромат свободы, якобы благодаря его, Заиграева, участию.

Общительный, обладающий разветвленной сетью друзей и родственников, судебный исполнитель имел обширную клиентуру, которую принимал в здании горсуда, в своей каморке под лестницей. Там он разглагольствовал о превратностях судьбы и приводил известные только ему случаи, когда отдельные, совершившие незначительные проступки, но неадекватные личности приходили к печальному финалу только потому, что вовремя не позаботились о своей участи. Чтобы получить минимальное, судью нужно к себе расположить, убеждал Заиграев, настроить благожелательно. Но за это самое благожелательное отношение причитаётся вознаграждение.

Ну, а если не выгорит, — клиент тоже ничем не рискует: его денежки будут ему возвращены тут же и до последней копейки. Все честь по чести, без обмана, как среди солидных деловых людей.

Так рекламировал свою «фирму» Заиграев. Хотя на самом деле все выглядело совершенно иначе. Скромный служащий суда не мог воздействовать на исход судебного процесса, так же как игрок, поставивший на буланого жеребца, не может заставить его первым добежать до финиша. Суд и Заиграев существовали автономно и независимо друг от друга. Суд рассматривал дела, Заиграев принимал авансом вознаграждения от своей клиентуры и ожидал исхода судебного разбирательства.

Естественно, что суд, как ему и полагалось, в

одних случаях выносил более суровые приговоры, в других — менее. А бывало, что и вовсе оправдывал. И в тех случаях, когда суд выносил не самый суровый приговор или оправдывал обвиняемого, вознаграждение автоматически оставалось в кармане судебного исполнителя. Вот и вся премудрость.

Директор фирмы «Сувениры» об этой закулисной стороне дела не догадывался. Охваченный желанием выволить из тюрьмы нужного ему человека с мраморной рукой, он заодно намеревался подстрелить еще одного зайца: скрепить узы дружбы, связывающие его со всемогущим судебным исполнителем.

Дело в том, что до сих пор Султанов ограничивался в основном словесными заверениями в любви и дружбе, хотя в бескорыстную дружбу не верил, как не верил в платоническую любовь.

Он был убежден в другом: чтобы дружба не ржавела, ее необходимо время от времени смазывать. И тем более в смазке нуждалась дружба с человеком, который мог пригодиться в любую минуту.

Султанов знал, что Заиграев любил жить на широкую ногу. Он много денег тратил на туалеты и в отличие от директора фирмы, который и на свадьбах и на похоронах появлялся в одном и том же засаленном кителе и замусоленной шляпе, носил наимоднейшие костюмы, тонкие сорочки и яркие галстуки. Однажды, расфранченный, он заявился в полуподвал и попросил Хвостатого показать ему какое-нибудь красивое колечко или сережки.

— Пожалуйста, гражданин судебный исполнитель! Всегда к вашим услугам! — галантно расшаркался Хвостатый и вывалил на стол ворох колец и серег с красненькими и желтенькими «глазками».

Но Заиграев лишь брезгливо поморщился: — А нет ли у вас с белыми камешками? Мне нравятся бриллианты фантастических форм... маркиз... багет... или груша.

Хвостатый ступешался и полез в «загашник», где у него были припрятаны камни покрупнее.

— О! — иронически воскликнул Заиграев. — Такими камнями можно дорогу мостить! Но я возьму парочку... А за теми, о которых я говорил, придется поехать в Москву или Ленинград.

Короче говоря, директор фирмы несколько не сомневался, что судебный исполнитель готов принять хороший подарок. Но от этого до крайности необходимого шага Султанова до сих пор удерживала невероятная скупость. Как ему ни хотелось, он не мог найти в себе сил полезть в собственный карман. И вот теперь-то наконец представилась возможность одарить друга из кармана родственников и знакомых человека с мраморной рукой.

...Узнав замысел друга, Заиграев заерзал на стуле: освободить из тюрьмы? С такой просьбой может обратиться либо дурак, либо человек, верящий в невозможное. От денег лучше всего отказать сразу.

— Сакраментов... Сакраментов, — задумчиво начал он, оттягивая печальный момент, — помню такого. Семь лет получил. Дело дохлое, и за него никто не возьмется.

И Заиграев отодвинул сверток, который выложил перед ним Султанов, от себя подальше.

— Но это мне нужно, мне, — оскалив зубы, улынулся Султанов и водворил сверток на прежнее место. Заиграев вновь отодвинул его.

— Но это же фантастика! — раздраженно воскликнул он.

Султанов положил сверток другу на ладонь и накрыл его своей рукой.

— Это за небольшие деньги — фантастика! — по-своему истолковал восклицание судебного исполнителя Султанов. — Завтра принесу столько же! И Заиграев решил не разочаровывать свято верящего в него директора фирмы.

— Ладно, — сказал он, — пусть деньги пока лежат у меня. Я, конечно, сделаю все возможное и даже больше того. Но коль уж...

Между тем дела Сакраментова были не так уж и плохи. В то время, когда ничего не подозревавшие сообщники передвигали по столу сверток с гонораром, суд повторно рассматривал его дело. По протесту прокурора оно побывало на дополнительном расследовании, в ходе которого выяснилось одно немаловажное обстоятельство: Сакраментов нанес удар мраморным пресс-папье не умышленно, а во взаимной драке. У убитого был обнаружен нож. Суд уменьшил срок лишения свободы с семи до трех лет, и, поскольку Сакраментов три года уже отбыл в заключении, из-под стражи его освободили.

Не прошло, таким образом, и двух недель после сцены в каморке судебного исполнителя, как Сакраментов появился в родном городе.

— Если бы не твоя личная просьба, — подводя итог случившемуся, наигранно говорил Заиграев во время очередной утренней прогулки с директором фирмы «Сувениры», — я бы вообще не взялся за это дело. Но тут пришлось сделать невозможное...

5. Рублем и копеечкой

Для вновь назначенного заместителя директора распределительной базы Сакраментова в полуподвале поставили письменный стол и приобрели мраморное пресс-папье. Никаких других принадлежностей, а также бумажек, как-то нарядов, накладных, реестров, заявок — ни на столе, ни в столе заместителя директора не водилось. К материальным ценностям он отношения не имел и отве-

расхитителя по фамилии Сидяк и по кличке «Нос». Теперь Сакраментов следил за коллективом. «Нос» — за Сакраментовым. И это несколько разрядило обстановку.

6. Зряшные хлопоты

Директор фирмы Султанов обладал цельной натурой и не разменивался по мелочам. Из всех привязанностей он уважал в основном привязанность к благородным металлам, а из всех страстей — пылкую любовь к драгоценным камням. В металл и камни он воплощал те сроки копеек с каждого рубля, которые присваивал по праву директора фирмы. Благо, ходить за ними далеко не нужно было: база своя.

По вечерам, возвращаясь с работы, он запирался в своей комнате и, словно пасьянс, раскладывал золотые браслеты и колечки перед собой. Услаждая слух малиновым звоном, он взвешивал на ладони обручальные кольца и, любясь сиянием алмазных граней, подолгу рассматривал сквозь лупу каждый приобретенный камешек.

Наиболее увесистым изделиям он давал ласковые прозвища и нежные клички.

— Вот этого «пузанчика», — приговаривал он, перебирая камешки, — вполне хватит на дом для моего старшего сына. А этого «красавчика» можно будет обменять на «Жигули» для младшего. Ну, а эта «куколка» пусть останется для моего любимого внука, который, я надеюсь, не будет дураком и найдет для нее хорошее применение...

Принадлежащая «хозяину» коллекция росла и пополнялась. С удовлетворением отмечая это, он в то же время неустанно ломал голову над тем, как бы ее понадежнее упрятать. Популярный среди его сослуживцев метод закатывания в банки с вареньем и повидлом казался ему банальным и ненадежным. Мерещилось нечто вроде пушечного ядра, которому достаточно лишь придать начальную скорость, а далее оно само, разверзая землю, уйдет на недосягаемую глубину.

Мыслилось взять отрезок свинцовой трубы, наполнить его колечками и, сплющив и загнув концы, облить битумом. Султанов раздобыл кусок многожильного кабеля в свинцовой оболочке, ведро битума и спрятал у себя во дворе. Жил он в собственном доме, в ряду таких же собственных домов, окруженных высокими заборами. Соседи, ничего не видя, а только лишь улавливая носом манящий в дорогу запах битума, считали, что хозяйственный сосед-директор собирается асфальтировать в саду дорожки. А между тем директор отрубил кусок кабеля, вынул из него начинку, трясущимися руками набил в свинец золотые кольца, обернул целлофаном и, обжигаясь и дуя на пальцы, окунул в раскаленный битум.

Когда «бомба» была готова, Султанов взял ее и понес в отхожее место. Там он размахнулся, крякнул и что было сил ахнул ее в выгребную яму. Затем удовлетворенно улыбнулся: теперь до его сокровищ не доберется сам черт и не разыщет ни одна дрессированная ищейка.

7. Большая чистка

В то раннее утро дворники провожали удивленным взглядом пожилого растрепанного мужчину без головного убора и в полувоенном кителе нараспашку. Он ступал прямо по лужам, оставленным поливальными машинами, и то и дело выкрикивал:

— Ну, Наталья! Ну, Наталья!

Натальей звали продавщицу ювелирного магазина, которая восстала против порядков нового директора Роберта Баранникова. Не собираясь бросать слова на ветер, она и впрямь обратилась с жалобой на него к директору фирмы. Султанов ее заявление не придал ровно никакого значения, и оно затерялось среди бумажек, скопившихся на его столе. Тогда Наталья написала заявление в ОБХСС, под которым поставила свою подпись и кладовщица базы... Девушек пригласил к себе начальник ОБХСС Дудочкин. Выяснив некоторые подробности, он создал специальную опергруппу.

— А вы, девочки, — сказал начальник ОБХСС, — продолжайте спокойно работать.

Султанов примчался на базу за два часа до открытия. Убедившись, что полуподвал заперт, он с таким бешенством стал колотить в двери

кулаком, что из окон начали выглядывать сонные жильцы. Дрожь от гнева и утренней прохлады, директор уселся на ступеньках. И тут его осенило: чего же он торчит под окнами у своего друга и не ставит его в известность о случившемся!

Судебный исполнитель, верный своей привычке выглядеть элегантно, вышел на лестничную площадку в пахнущем болгарской розой атласном шлафроке и в вышитых бисером турецких бабушах с загнутыми кверху носами. Выслушав друга, Султанов плотно притворил за собой двери:

— Тс-с-с... Тебя кто-нибудь видел в доме? Учти, теперь нас не должны видеть вдвоем. Хотя бы до тех пор, пока все не утихнет. А вообще держись смелее и увереннее... В случае чего я всегда, сам понимаешь...

И Заиграев улетучился.

Ничего не подозревающий коллектив базы явился на работу дружно, в хорошем настроении. Но тут из засады выскочил «хозяин».

— Вы там на перинах отлеживаетесь, а я тут за вас сторожить должен?! — набросился он на Хвостатого и Сакраментова. — Баранникова посадили!

Те быстренько юркнули в полуподвал.

— Кто подсунул мне этого молокососа? — брызжа слюной, тряс кулаком Султанов. — Ты, Хвостатый?

— Но вы же сами всегда повторяли, что молодежь надо в-выдвигать, — заикнулся было бледный, как полотно, Хвостатый.

— Да, надо! Но не всякую шваль!

Заместитель директора базы Сакраментов взял на изготовку пресс-папье. Но приступать к физическим мерам воздействия было бессмысленно.

Султанов отвел в сторонку Хвостатого и Сакраментова.

— Я уже доложил обо всем Марату Германовичу. Он обещал мне сегодня же переговорить с кем полагается...

...Первым взяли Хвостатого...

Исчез Сакраментов...

Увели Сельдереева...

В светлом лимузине увезли Султанова...

На допросах обвиняемые были стойки, как гранит, и неприступны, как восточные красавицы. На все вопросы давали один ответ: не помню, не знаю... Во время мимолетных встреч, когда одного вели с допроса, а другого на допрос, Султанов подавал условный сигнал: держись, еще недолго осталось. Но проходили дни, недели и месяцы, а избавление не наступало. Судебный исполнитель почему-то не торопился выпускать их на свободу. Более того, похоже было, что он вообще позабыл об узниках, томящихся за тюремной решеткой.

чал лишь за, так сказать, сплоченность коллектива.

К сожалению, появление на базе этого овеяного тюремным ореолом низколобного небритого субъекта с угрюмым взглядом привело к совершенно неожиданным результатам. Перепуганные бухгалтеры, экономисты и учетчики, словно по команде, стали подавать заявления об уходе.

— С таким идолом в одной комнате сидеть страшно, — объявили они.

А одна из кладовщиц, которой было известно о жалобе на нового директора магазина Баранникова, заявила даже следующее:

— Если этого низколобного посадили здесь, чтобы держать нас в страхе, то я тоже буду жаловаться. Только не Султанову, а в ОБХСС. И без того здесь хватает и темных дел и личностей.

Чтобы погасить волнение, Султанову пришлось срочно перетаскать письменный стол Сакраментова в кабинет Хвостатого. Ну, тут взбунтовался Хвостатый. Сакраментов уходил с работы последним, и Хвостатый, который привык засиживаться на работе допоздна, ночью, в полуподвале, под угрюмым взглядом человека с мраморной рукой чувствовал себя как-то неуверенно: вдруг возьмет да запустит в голову пресс-папье...

Хвостатый поделился своими опасениями с директором фирмы.

— Знаешь что, — посоветовал Султанов, — брось ему на всякий случай пару копеек... Чем черт не шутит...

Двухкопеечников с каждого поступающего в черную кассу рубля в иной день набегало на солидную сумму. Сакраментов отработанным движением клал презент в карман, но на Хвостатого поглядывал все так же недоброжелательно. Тогда в штатное расписание ввели еще одну единицу — младшего кладовщика. На эту должность приняли только что отбывшего срок

— Вот подлец! Вот мерзавец! — беспокойно ворочаясь на узкой железной койке, скрежетал зубами Султанов. — Бабама бриллианты дарить — это он может! А когда надо друзей выручать — так он чего-то тянет! Стиляга, фронт несчастный!

Впрочем, вскоре все объяснилось. Во время прогулки по тюремному двору Султанов обратил внимание на одного арестанта, своей осанкой и фигурой смахивающего на судебного исполнителя. Султанов стал пристальнее вглядываться в знакомую фигуру и остолбенел: да, это был он, Марат Германович Заиграев.

Его четкая и, казалось бы, безукоризненная система тоже дала осечку.

И тогда ход следствия значительно ускорился. Из письма Ивана Хвостатого своей супруге:

«Настя, тебе большой привет! Настя, передай подающему этого письма кольца, которые спрятаны у таксиста Андрея Миронова, и деньги, которые у директора птицефабрики Петухова. Скажи им, что я сказал. Я думаю, что ты не забудешь своего мужа, который был твоим верным спутником 15 лет. Иван».

Бывший заместитель директора фирмы Сельдереев через некоторое время стал прямолинейным, как купеческий аршин. Он сам привел следователя к своему знакомому преподавателю, походил по его двору, отмерил от калитки десять шагов по дорожке к дому, стал «во фронт» и ткнул пальцем себе под ноги:

— Здесь!
Принесли лом и лопаты. И что же? В том самом месте, куда ткнул пальцем Сельдереев, с точностью до вершка, в земле были закопаны старые сатиновые трусы, в которых была завернута пачка денег.

Из милицейского протокола

«Чистка выгребной ямы в поселке Солнечный во дворе дома, принадлежащего обвиняемому Султанову, начата в пятницу в 10 часов и с перерывом на воскресенье окончена в понедельник в 14 часов. Со дна ямы с глубины шесть метров извлечен облитый битумом продолговатый предмет. После вскрытия его в нем обнаружены ювелирные изделия, ценность которых определена в акте...»

* * *

...В местах не столь отдаленных, в исправительно-трудовом учреждении, имеющем металлоцех, на участке по изготовлению подков проходила трудовое перевоспитание бригада осужденных: бывший директор фирмы и его бывший зам, бывший директор базы фирмы и его бывший зам, бывший директор магазина, бывший младший кладовщик по кличке «Нос» и бывший судебный исполнитель, любивший красиво одеваться. Они ковали и гнули подковы и проделывали в них отверстия для кухтылей.

Ровно в полдень в цехе завывала сирена и бывший зам директора базы, назначенный старшим команды, провозглашал:

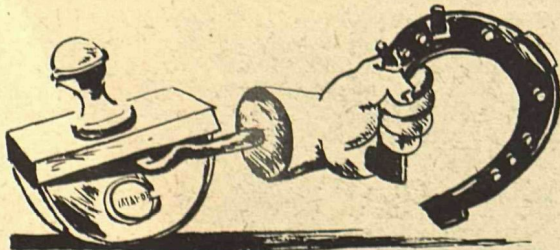
— Перерыв! Выходи строиться на обед!
Зеки разбивались парами и, поднимая ботинками пыль, брели в столовую.

— Хоть тут повыше ноги поднимай! — рычал на шагавшего впереди него Заиграева Султанов. — Привык пыль в глаза пускать, обещания давать. В случае чего я, мол, всегда... Держись, мол, смелее...

— Вот из-за таких самонадеянных арапов мы тут и гнем подковы! — добавил Сельдереев. — Раньше, раньше нужно было взять на работу человека с хорошим кулаком, который бы держал в страхе этих девчонок-продащиц!

— Это которого раньше взять? Не эту ли противную морду, из-за которой и заварилась вся наша каша! — отозвался Хвостатый и ткнул пальцем в своего бывшего заместителя.

Сакраментов заскрежетал зубами и озверело стал шарить глазами по земле. Ему захотелось пустить в ход свое испытанное оружие. К сожалению, мраморного пресс-папье нигде под ногами не валялось...

ЧТО ЕСТЬ "ЖСО"?

Жизнь нафарширована неожиданностями. ...Взволнованный, сравнительно трезвый мужской голос частит в трубку:

— Сэр, умоляю, скорее!.. Врача!.. Тяжеловеса желательнее. Тут у меня старина Пол — это родственничек мой один, ловит, понимаете, на кухонном столе зеленых чертиков с хвостиками и считает. Уже, говорит, насчитал двадцать семь тысяч сто две штуки! Диктую адрес, сэр...

Но то ли слишком много было в тот день вызовов, то ли слишком длинные змеились очереди у бензоколонок, но бригада психиатров прибыла явно поздно. Пациентов оказалось уже двое.

— Прошу прощения, ребята, — бормотал заплетаясь языком джентльмен, отворивший дверь. — Это я вас вызывал, но, как выяснилось, зря. Старина Пол, оказывается, был в принципе прав, но просто малость обсчитался. Вон он там храпит, видите! — Джентльмен показал под кухонный стол, где почивал белоголовый старец в окружении пустых бутылок отнюдь не кефирного происхождения. — Пока вы где-то валандались, я сам тоже углядел этих зелененьких с хвостиками. И пересчитал всех до единого. Тридцать две тыщи ровно!..

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

открыт в Вашингтоне 10 ноября 1976 года. В те дни американская печать возвестила, что КСО объединяет «бывших высокопоставленных лиц» и что цель его деятельности — выступить «против всех, кто попытается сократить военный бюджет США». Не прошло и года, как комитет разразился шизофреническим заявлением: «Наша страна вступила в период опасности, и эта опасность все время возрастает. Под угрозой может оказаться само выживание нашей страны». Как чаще всего и происходит в подобных случаях, симптомы буйства утяжелились манией преследования. Из палаты с табличкой «КСО» на дверях понеслись хриплые вопли, что опасность исходит из Москвы, «которая стремится установить мировое господство» и «нанести первый ядерный удар». Тут же выдвигалось требование «изменить курс политики Вашингтона», отказаться от «иллюзорной разрядки», повысить военные расходы, повсеместно создавать научно-исследовательские лаборатории и конструкторские бюро для изготовления новейших видов оружия массового уничтожения.

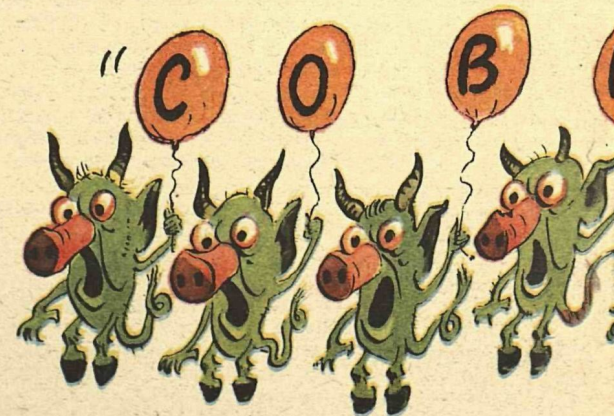
Кто же входит в состав этого бесноватого комитета? Кто эти люди, подхватившие факел Форестолла, бывшего министра обороны США, самовнушца, что сиганул из окошка небоскреба с криком: «Русские танки!»!

Если верить правой печати, все сто сорок один — «люди безукоризненной честности, с многолетним

И с этим суммарным итогом джентльмен, вызвавший психиатров, рухнул на кухонный линолеум и тут же захрапел в унисон со стариной Полем.

Мы не знаем, сильно ли развеселило врачей неожиданное удвоение в одной квартире упившихся до чертиков пациентов. Но мы знаем другое — весной 1979 года [об этом сообщала газета «Нью-Йорк пост»] Белый дом и госдепартамент вызвали, точнее, наняли, «большую группу психиатров для воздействия на противников Договора ОСВ-2». Что ж, мера не лишена практического смысла! Действительно, уж по крайней мере сто сорок один пациент остро нуждался в помощи специалистов-психиатров, ибо именно столько личностей ястребиного образа мышления пребывает в рядах КСО — «Комитета по существующей опасности».

Как говорили встарь, «скорбный лист» КСО был

В. ГЕРМАНЯН

ИЛИ История о том, как бригаде психиатров прибавилось работы

Опасности (КСО)

опытом служения родине, желающие всего-навсего предупредить руководителей своей страны о существующей угрозе». Но вот нью-йоркский журнал «Нью рипаблик» в корне не согласен с таким панегириком. Он утверждает другое: «За ширмой этой компании бряцающих оружием лиц действует сеть правых организаций, начиная с догматических антикоммунистов и кончая фабрикантами оружия, которые выгадали бы от военных расходов».

И верно, даже самые краткие биографические справки на любого из членов КСО подтверждают правоту «Нью рипаблик».

Начнем с Пола Нитце, которого журнал «Тайм» титулует «главным стратегом» КСО.

Бывший министр военно-морского флота и бывший заместитель министра обороны, он еще в довоенные времена сроднился с военно-промышленным комплексом США. Пол Нитце восседал в кресле вице-президента нью-йоркского банка «Диллон, Рид энд компани», и, между прочим, не без денежек Диллона и иже с ним германская тяжелая промышленность «внезапно» превратилась в кузницу оружия для Вермахта.

После войны Нитце по поручению американского президента составил огнедышащий документ СНБ-68, требовавший немедленно увеличить производство бомбардировщиков для термоядерных бомбежек советских городов. И разве случайно, что именно

Пол Нитце в 1977 году, уже по поручению КСО, сочинил доклад, местами под копирку списанный с документа СНБ-68!

Подсчеты, которыми Нитце кормит американскую общественность, сделаны по классической методе жулика-официанта: «Бифштекс не брали — семь двадцать, да нас двое — девятнадцать сорок». Нитце утверждает, например, что если Договор об ОСВ-2 вступит в силу, то к 1985 году Советский Союз увеличит количество своих ядерных боеголовок втрое, а США — только вдвое. Но почему! По какому такому дифференциальному исчислению! В ответ Нитце приводит выкладки, весьма смахивающие на те, официантские. «Простому смертному не под силу разобраться в схемах и анализах Нитце», — признается журнал «Тайм», издание, само-то голубиной кротостью не отличающееся.

Согласитесь, что для такой птицы, как Пол Нитце, разрядка равносильна краху перламутровой мечты жизни.

Пост главы исполнительного комитета КСО занимает Юджин Ростоу. Знаем мы вашего брата, мистер Юджин, — небезызвестного Уолта Ростоу, старейшего сотрудника американской разведки. Еще в 50-х годах в книге «Динамика советского общества», изданной на деньги ЦРУ, У. Ростоу призывал США «устранить коммунистическую угрозу». И добавлял мрачно: «Мы живем не в послевоенном, а в предвоенном мире». Оба брата тесно связаны с ястребами из Пентагона.

Один из председателей «КСО» — Дэвид Паккард, бывший заместитель министра обороны США. Семейка Паккардов контролирует концерн «Хьюлетт Паккард компани», производящий электронное оборудование для военной промышленности. Паккард заседал в правлении «Дженерал дайнемикс», выполняющем правительственные подряды на производство атомных подводных лодок. Каждая такая лодка, оснащенная ракетами «Трайдент», стоит 1,6 миллиарда долларов.

Так что же, он враг своему бумажнику и любимому семейству, этот самый Дэвид Паккард, чтобы сидеть сложа руки и спокойно взирать, как идеи обуздания гонки вооружений проникают в людские души! Э, нет! Мистер Паккард скорее обретет застойную синюшность в лице от перенапряжения, чем перестанет вопить о «советской угрозе»!

По причинам лимита типографской бумаги охарактеризовать каждого КСОчника нет возможности. Поэтому ограничимся еще лишь несколькими именами. Например, Уильям Колби — бывший директор ЦРУ. И этот, естественно, тут как тут! По свидетельству «Нью-Йорк таймс», Колби заявил, что подведомственное ему ранее учреждение с конца войны «не делало ничего другого, кроме как помогало различным силам против коммунистической угрозы». Как оно помогало — известно, достаточно вспомнить хотя бы события в Чили...

Рядышком с Колби, словно на общем насесте, сидит нахохлившись стая американских генералов. Трое из них — М. Риджуэй, Л. Лемнитцер и Э. Гудпейстер — попеременно были главнокомандующими НАТО в Европе, и каждый постоянно требовал наращивания вооружений. Другая общая черта этих военных деятелей — все они связаны с военным бизнесом. И раньше, и теперь, и до последнего вздоха.

Ба! А вот еще знакомые всем лица — сенаторы Генри Джексон и Барри Голдуотер. Не упомянуть эту парочку членов КСО было бы поистине несправедливо. «Лишь бы бороться против коммунизма! Как будет вестись эта борьба, не имеет никакого значения!» — это заклинание Б. Голдуотера по сей день остается лозунгом КСО.

Но самое опасное в том, что КСОчники напрямую связаны с руководителями комиссий и подкомиссий сената и палаты представителей, занимающихся военно-политическими вопросами. И дают на психику конгрессменов прямо и непосредственно.

А теперь вернемся к группе психиатров, помни-те, к той самой, которую, по словам «Нью-Йорк

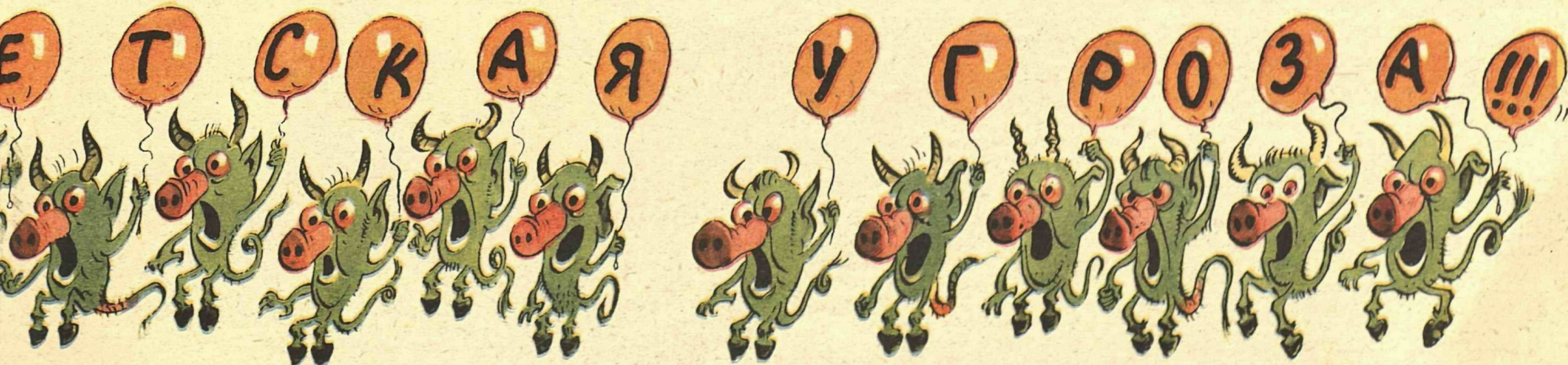
пост», правительство США наняло для «воздействия на противников Договора ОСВ-2». Добрались ли они до Капитолийского холма и провели свою целительную работу или все еще отираются бедолаги по сей день в очереди за бензином — сие нам неизвестно, но более вероятно последнее, ибо драматического заявления «Комитета по существующей опасности» о самороспуске мы что-то пока не слышали...

Но если бы эти психиатры сегодня появились в вашингтонских кабинетах власти, они бы чрезвычайно удивились поведению и умонастроению лиц... их вызывавших! Ибо, увы, похоже на то, что галлюцинации, обуревающие шальную голову Пола Нитце, словно болезнетворные микробы, проникли в рассудок и некоторых отнюдь еще не отставных деятелей.

Ведь не далее как летом руководители западных стран признавали равновесие в военном отношении между государствами НАТО и Варшавского Договора. И вдруг зимой [другие времена, другие песни!] те же западные политики утверждают: «Равновесия нет! У русских чудовищное превосходство! А посему мы обязаны довооружиться. Вот попыткаем в Западной Европе еще 600 ракет, нацеленных на Восток, тогда нам будет о чем поговорить за круглым столом с СССР и его союзниками».

И ошарашенно замрут вызванные психиатры [если их и впрямь вызвали], и переглянутся растерянно, и перешепчутся:

— На кого же нам сначала воздействовать в мировом направлении! На «ястребов», ради которых нас вызывали, или на тех, кто нас вызывал! М-да, дилеммка...

Вот идет Петров!

Сначала Петров нежился в славе. На него указывали пальцем, как на популярного актера кино.

— Глядите-ка, сам Петров, директор ремонтно-механического завода идет! С подтекстом указывали, как бы подчеркивая, что руководить предприятием не меньшее искусство, чем, скажем, делать дубли в приключенческом фильме. И, кстати, Дмитрий Ильич делал дубли, какие и в кино нечасты: семнадцатый месяц выполнял и перевыполнял план, снижал себестоимость, повышал производительность и, словом, обеспечивал полный ажур.

За это его и любили: звали в президиумы, на встречу с пионерами, на семинар по оборачиваемости оборотных средств и на другие интересные мероприятия.

А что началось, когда предприятию присудили Красное знамя и первое место в республиканском соревновании! Завод «повесили» на районную Доску почета. Прибыли делегации от родственных предприятий. Со всех сторон пели фанфары.

— Как вы сподобились? — надеясь почерпнуть из живительного колодца, интересовались прибывшие гонцы.

— Сами не ведаем, — скромничал директор. — Работали. Ну, резервы мобилизовали.

Гонцы в недоумении качали головами: сей рецепт был известен еще при фараоне Тутанхамоне...

Отныне Петрова стали приглашать не только к пионерам, но и на коллегию Министерства промышленности стройматериалов УССР. Инженерно-техническому персоналу отвалили великолепную премию.

Узнав об этом, заместитель директора Марченко отчего-то побледнел.

— А может, лучше не н-надо? — заикнулся он. Но премию все-таки взял.

Через месяц из Киева прибыла комиссия с мандатом на комплексную ревизию. Это была весьма представительная комиссия — эрудиты и аналитики — ведущие специалисты главка с трудновыговариваемым названием «Укрглаврем-мехсантехмонтаж», сотрудники НИИ, конструкторы, юриконсульты, бухгалтеры... И сердце екнуло на этот раз не у одного только Марченко...

Аналитики копнули глубоко, так глубоко, как копают лишь при археологических раскопках. Они спали по шесть часов, но выдали документ! На акт ревизии, по правде говоря, он был слабо похож, скорее на песнопение, оду или описание передового опыта.

И вдруг является человек со стороны, представитель контрольно-ревизионного управления, для которого нет ничего святого, и рушит всю лучезарную постройку. Он за пять минут обнаруживает, что нет ни выполнения, ни перевыполнения, ни снижения себестоимости, ни повышения производительности, — нет, короче, никакого живительного колодца, а есть самая натуральная липа.

Рецепт времен Тутанхамона обогатился существенными деталями. Выяснилось, что в конце каждого месяца Дмитрий Ильич вызывал главбуха и интересовался:

— Что там у нас дееется на финансовом фронте? Кто из заказчиков уже выставил аккредитив? Кто оплатил еще не поставленную нами продукцию? Все запиши в реализацию!

Месяц «закрывали». Главк был в восторге. Правда, вагонетки, козловые краны и прочая заводская номенклатура пока существовали лишь в пылком воображении заводских фантастов. В реальной жизни заказчики — трест «Львовнерудпром» и многие другие — получают оборудование кто через несколько месяцев, а кто и вообще за пределами пятилетки. Но что из того? Бей, барабан!

Вы спросите: а чего же он загодя выставляет аккредитив, заказчик, чего молчит, как рыба хек? А он тертый — жизнь научила. Начнешь огрызаться — вообще не дожدهшься отгрузки.

Короче, с Петровым не споры! Казалось, на его пути и начальник цеха, который должен засвидетельствовать наличие несуществующих вагонеток, и начальник ОТК, обязанный эту фикцию в уме осмотреть и замаркировать первым сортом, и упомянутые заместитель директора и главбух, и старший экономист, и начальник охраны, и прочие, прочие, якобы видевшие эти вагонетки в натуре... Свидетельствовали и маркировали. Потому что уважали Петрова. И не могли отказать от премии. Это было выше их физических сил.

И вот является чужак, и фанфары смолкают. Петрова срочно отзывают из Москвы, где он повышал квалификацию.

А дома сплошные разочарования. С Доски почета завод сняли. Великолепную премию пришлось вернуть. Доступ в президиумы закрыли. И если порой еще указывали пальцем: «Вот идет Петров!» — то уже совсем с другим, обидным подтекстом.

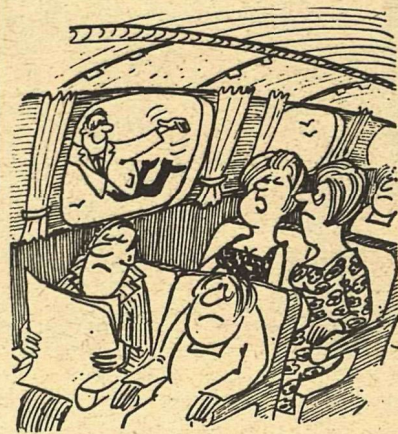
Конечно, Петров, вернувшись на завод из Москвы, первым делом поинтересовался:

— А ну-ка, признавайтесь, кто тут у вас заварил кашу? А надо сказать, что в коллективе прошел слух, оказавшийся роковым для главного инженера И. Хнюпы. Пока директор был в Москве, он из-за слабой квалификации не сумел «закорить» очередной месяц и, как полагали прозорливцы, взял да и звякнул в контрольно-ревизионное управление!

Участь главного была преддрешена. И хотя он землю ел, клянясь, что ни сном ни духом к криминальным звонкам не причастен, — веры ему не было никакой. Нет дыма без огня! Быстро создали комиссию, обследовали инженерное хозяйство и выявили промашки. И главк с треском его снял. А специалист по дублям Петров со своими ассистентами остался вроде как ни при чем.

Он фланирует по улице, и прохожие говорят: — Вот идет Петров! Без всякого подтекста говорят. Ибо не знают, какой подтекст следует теперь вкладывать в это восклицание.

УЛЫБКИ

— Бетси, ты знаешь, что бывает с девочками, которые не хотят есть манную кашу!

— Да, мамочка. Они становятся стройными и работают манекенщицами.

Маленький Педро пришел в обувной магазин и попросил шнурки для ботинок.

— Какие тебе! — спросила продавщица.

— Один левый, один правый.

— Этот тип поглядывал на тебя еще в аэропорту.

«Франс-диманш», Франция

Васил СТАНИЛОВ
(Болгария)

Колумб

В прохладный кабинет, наполненный приятным портьерным полумраком, вошел посетитель. Он приблизился к огромному полированному столу, за которым восседал генеральный директор, снял измятую кепчонку и сказал:

— Добрый день, товарищ директор. Я пришел сказать вам, что открыл Америку.

— Что? — привычно переспросил директор. — Что вы открыли?

— Америку, — смущенно повторил посетитель и принялся рассказывать, с какими трудностями он столкнулся, снаряжая на свои трудовые сбережения корабль, как хлопотал, добывая провизию на длительное путешествие, каким опасным оказалось плавание. И как обрадовался, когда матрос вдруг завопил с мачты: «Земля!». — Я взял некоторые образцы тамошней флоры и фауны, а может быть, фауны и флоры, я всегда путаю эти слова, завязал дружеские отношения с туземцами и принял их в нашу профсоюзную организацию. Я даже собрал с них членские взносы за шесть месяцев! — гордо закончил свой рассказ посетитель.

— М-да, — неопределенно промычал генеральный директор. — Боюсь, что придется созвать совет.

Совет собрался быстро, и директор, оглядев присутствовавших, сказал:

— Тут один товарищ утверждает, что открыл Америку. Прошу высказываться.

— Может, объявим по цехам? — неуверенно предложил первый зам и посмотрел на генерального директора.

— Что именно?

— Ну, например: переплыл океан в тяжелых бытовых условиях, но выполнил взятые на себя обязательства...

Директор пожал плечами, но сделал знак, чтобы позвали первооткрывателя.

— Говоришь, Америку открыл? — сурово спросил первый зам.

— Да.

— А кто тебя уполномочивал? — осведомился главный бухгалтер.

— Никто.

Члены совета переглянулись.

— Как это никто?

— Да так, обыкновенно.

— Кто же тебе командировку выписывал, кто инструктировал?

— Никто.

Наступила долгая пауза.

— Может, кто-нибудь подсказал тебе эту идею? — с надеждой спросил директор.

— Да нет, я сам.

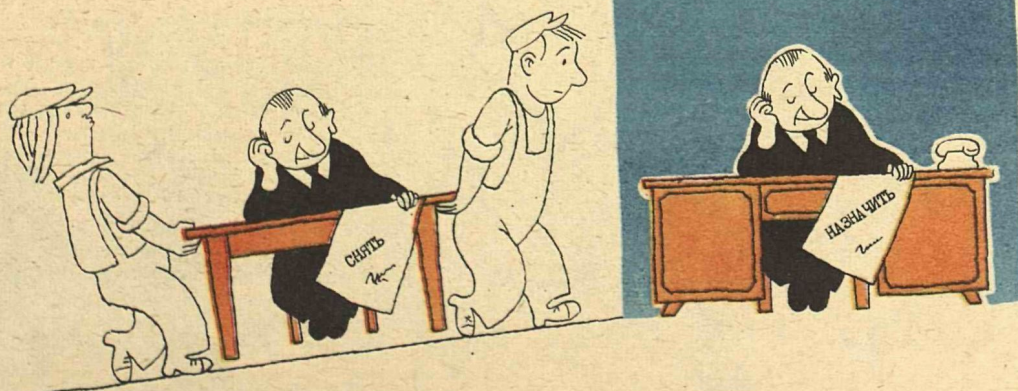
— Сам, сам! — передразнил начальник планового отдела. — Ты что же, хочешь сказать, что твоё открытие не было запланировано?

— Нет, — с варварским упрямством ответил открыватель.

— М-да, заварил ты кашу, — покачал головой директор. — А ты подумал о том, что в главке могут отнестись к твоему открытию отрицательно?.. То-то же! Молчишь? Тебе что — открыл, да и все, а нам — отвечай!

После недолгого совещания совет объявил открывателю строгий выговор, и всю историю замаяли.

Перевел Мих. ФИЛОНОВ.

РАЗНЫХ

— Смотри, Ханс, вот тебе игрушка, которая уже не нужна Карлу. Теперь ты можешь его играть,— говорит мать младшему сыну.

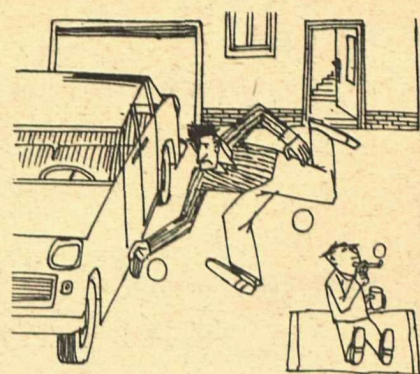
— Вечно мне приходится довольствоваться тем, что ему уже не нужно,— недовольно говорит Ханс.— Может, мне придется жениться на его вдове, когда он умрет!

— Почему вы его мучаете?
«Ойленшигель», ГДР

— Скорее ответьте мне, Мэри, согласны ли вы стать моей женой!
— А почему такая спешка!
— Потому что я обещал мамочке, что приду домой не позже девяти.

ШИРОТ

Супруг приходит с работы и по расстроенному лицу жены определяет, что в доме какие-то неприятности.

— Только не встречай меня, пожалуйста, дурными вестями,— предупредил супруг,— хватает с меня и того, что я вижу на работе.

— Хорошо,— вздохнула жена,— я начну с хороших новостей. Как ты знаешь, у нас пятеро детей. Так вот, четверо из них не сломали сегодня ни рук, ни ног.

«Ойленшигель», ГДР

Итало КАЛЬВИНО (Италия)

Голубая река

Это было время, когда сыр делали из пластика, масло — из стеариновых свечей, а в зелени и овощах мышьяка было больше, чем витаминов. Кур откармливали синтетическими пилюлями, а последнюю свежую рыбу выловили за год до этого у берегов Исландии, и перед продажей ей подделывали глаза, чтобы она выглядела такой, будто ее вытащили из моря накануне. И оливковое масло не было больше золотистым соком оливок, а лишь подвергшимся перегонке жиром престарелых мулов.

Слыша все эти разговоры дома, на работе, в кафе, Марковальди чувствовал, как желудок его судорожно сжимается и подымается вверх, к

самому рту. Когда же его супруга Домитилья возвращалась домой с купленной провизией, вид одной ее корзинки вселял в него ужас, будто в стени его дома проник враг.

По ночам ему снились странные сны: поля, на которых сонно бродят тучные коровы, серо-зеленые оливковые рощи, дремлющие под жарким солнцем, тихие речушки и всплески рыб, тревожащие душу рыболова.

Как-то он не выдержал, взял с собой завалявшуюся на чердаке удочку, сел на мопед и под насмешливые крики ребятишек «Эй, смотрите, чудак с удочкой!» поехал за город.

Он съехал с шоссе, пробирался по каким-то тропинкам, потом спрятал мопед в кустах и пошел пешком. Вскоре он понял, что никогда еще не был в этих местах, и заблудился. Но несколько не испугался: так покойны были густые заросли ивняка, так при-

звально проглядывала сквозь них вода.

Он раздвинул зеленый забор руками и вышел к маленькому заливику. Он посмотрел на воду, и сердце его гулко забило: перед ним лежало зеркало необычайной голубизны, той самой голубизны, что он видел по ночам в своих странных, будоражащих душу снах. Вода, настоящая голубая вода! Не мутная багрово-коричневая жижа, что протекала у них через городок, а небесно-голубая влага. Марковальди тихонько засмеялся и потер глаза. Нет, это была не галлюцинация. Голубизна не исчезла. «Представляю, какой здесь должен быть клев,— подумал он.— Хорошо будут эти идиоты, которые потешались над моей удочкой, когда увидят меня с десятком серебристых рыбин. Настоящих свежих рыбин, обложенных травой, чтобы защитить их от солнца».

Дрожа от нетерпения, Марковальди развернул снасть, насадил на крю-

чок наживку и забросил удочку. Сейчас, сейчас его белый поплавок наклонится, будто здороваясь с кем-то, дернется и стремительно нырнет. Тут только не зевать, сразу подсечь и вытащить на берег добычу.

Но поплавок почему-то не кланялся. «Не может этого быть,— решил Марковальди,— в такой голубой воде не может не быть рыбы. Наживка соскочила...» Он вытащил удочку и долго смотрел на поплавок. Та часть его, которая была в воде, стала почему-то синей. Что за чертовщина, изумился Марковальди, поплавок только что был белым! И тут за его спиной послышался смешок. Он оглянулся. Около него стоял старичок.

— Что ты, друг, с ума сошел? — спросил он.— Это же не вода. Это тут у нас недалеко лакокрасочный завод. Это не вода, чистая краска...

Перевел Л. КАНЕВСКИЙ

КАТАПУЛЬТА

«Лудаш Мати», Венгрия.

Слова, слова...

Лучший судья — это собственная совесть. Она оправдывает нас без всяких затрат на адвоката.

Эжен Тара, французский юморист.

Хорошо, когда человек ищет истину, плохо — если только в вине.

Фольклор шотландских фабрикантов виски.

Когда прощаются с иллюзиями, обычно говорят не «прощай», а «до свидания».

Еще одна иллюзия.

Если пророчество не сбылось, его следует считать прогнозом.

Шутка, приписываемая Кассандре.

Самое меньшее из зол — большие деньги.

Из утренней молитвы покойного американского миллиардера Поля Гетти.

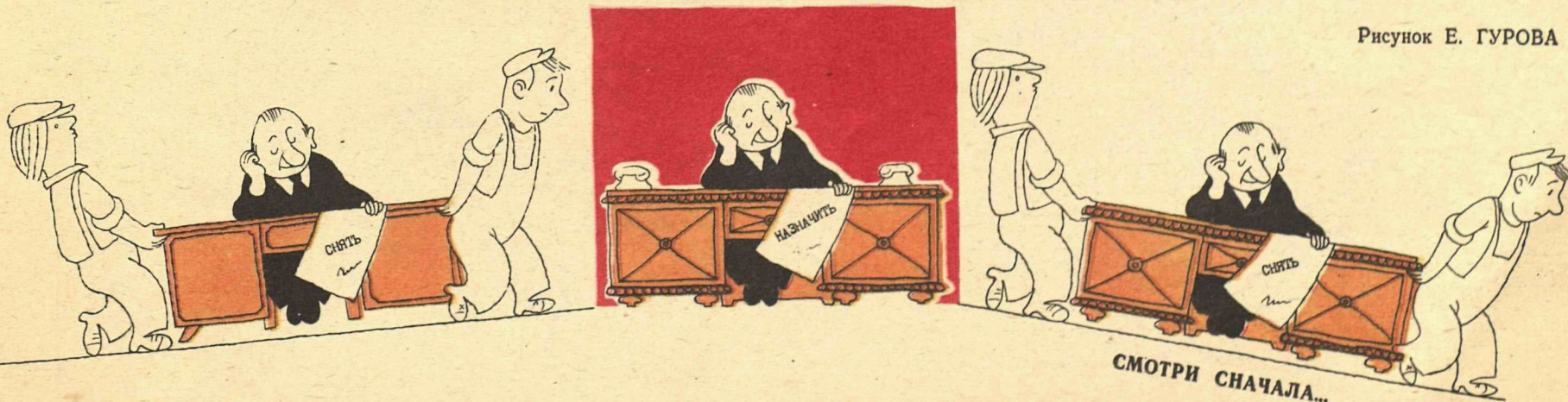

Рисунок Е. ГУРОВА

СМОТРИ СНАЧАЛА...

Одклики и Реплики

Сигналы услышаны

Моветон в автобусе

Пассажира Т. Станиславенко сделала замечание контролеру В. Власинкевич, которая нагрубила пожилому человеку. Этим она только подлила масла в огонь. Оскорбления посыпались и на нее. Теперь уже сама защитница попыталась найти защиту у диспетчера Винницкого автопредприятия 30121 М. Наконецной, но услышала в ответ слова, которых нет даже в словарях.

Письмо Т. Станиславенко рассмотрено руководством объединения «Винницасавтотранс». Грубиянам контролеру В. Власинкевич и диспетчеру М. Наконецной объявлены выговоры. Надеемся, что это научит их правилам хорошего тона.

Техника и юмор

А почему бы и нет?

В № 33 (1979 г.) напечатан фельетон Вл. Митина и К. Селиневича «Сила искусства». Авторы щеголяют техническими терминами: «Ворглянул, и его массивная челюсть отвалилась, как экскаваторный ковш». Подойдите к любому экскаваторщику и скажите такое... да он вас...

Как же нужно написать? А вот так: «...его массивная челюсть отвалилась, как днище ковша экскаватора».

Ю. КРАЧЕВСКИЙ, г. Ивантеевка.

Не согласны. Ни технические, ни литературные инструкции не запрещают сравнивать с челюстью ковш экскаватора.

В антимире музыки

Не слышат

— Чего хочешь, Багда, проси, только музыку свою унеси!

Дорогой Кронодил! Посмотрев на этот рисунок, я подумал, что чёрту особенно сочувствовать не приходится. Он-то найдет способ избавиться от шума в ушах. А вот что делать мне?

Погляди на снимок: динамик расположен как раз над моим окном. Я уже два года прошу разные инстанции перенести его в другое место, но горисполком и райисполком отправляют мои письма в радиотрансляционную сеть, а оттуда знай строчат, что динамик работает не каждый день и все сделано по проекту. Может быть, у автора проекта было плохо со слухом?

С. ИЛОВАЙСКИЙ, г. Ярославль.

Примите и проч.

Кое-что о фольклоре

Дорогая редакция!

В 36-м номере (1979 г.) в разделе «Мой недолгий ящик» была помещена заметка «НЛО», в которой меня справедливо критиковали за то, что я присвоил чужой рассказ. Да, я виноват! Сознаюсь в этом вполне откровенно...

А дело вышло вот как. Читая «Литературную Украину», я наткнулся на ту самую юмореску. Она мне очень понравилась. Я перевел ее на русский язык и внес в свою записную книжку. Через некоторое время от одного киевлянина я услышал эту же историю и решил, что она уже превратилась в фольклор. А фольклор, как известно, достояние общее... И тогда со спокойной совестью я отнес юмореску в редакцию томской газеты «Молодой ленинец» и поместил за своей подписью...

Горько и стыдно сознавать, что те идеалы добра и справедливости, которым я следовал всю жизнь, были вдруг перечеркнуты одной моей подписью под чужим рассказом... Простите меня великодушно. Подобное со мной больше никогда не случится!

Г. РУДЬ, старший инженер, г. Томск.

Странные, прямо скажем, у тов. Рудя идеалы добра и справедливости. С одной стороны, он вроде бы раскаивается, с другой — тут же находит какие-то «фольклорные» обоснования для присвоения чужих произведений.

Уголок эрудита

«Тканая пряжа»

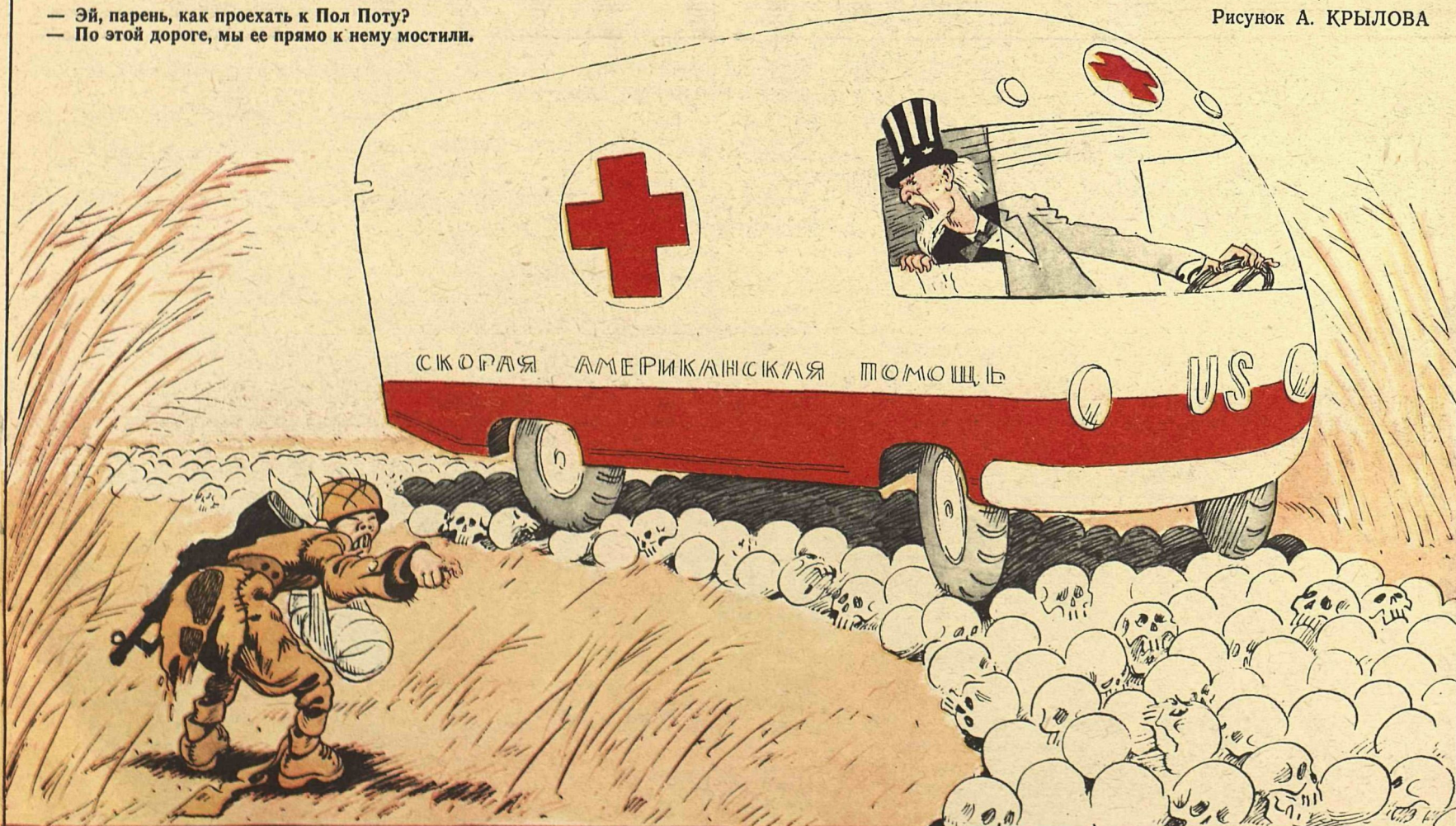
Прошу передать мои поздравления Ник. Энтелису, открывшему новый технологический процесс в текстильной промышленности. В песне первой «Банной Одиссеи» (№ 36, 1979 г.) он пишет: «...ткала драгоценную пряжу». До сего времени пряжу пряли, а ткали ткань.

Л. КРЫСИН, г. Люберцы.

Автору выдан патент на сделанное им ошибочное открытие.

— Эй, парень, как проехать к Пол Поту?
— По этой дороге, мы ее прямо к нему мостили.

Рисунок А. КРЫЛОВА

Геннадий Иванович
АНДРИАНОВ

(К 50-летию со дня рождения)

Дружеский шарж В. ЧИЖИКОВА

— А сейчас домашняя хозяйка Мария Степановна поделится с вами опытом — как экономно и рационально вести хозяйство.

РИСУНОК ЮБИЛЯРА

Сергей КОНДРАТЬЕВ

Рассказ

Я И МОЙ ПАПА

С самого раннего детства мой папа мечтал стать конструктором и поступил в институт тяжелого машиностроения. Кто знает, может быть, его мечта и осуществилась бы, но... Но родился я, и папа перешел с четвертого курса машиностроительного института на второй курс педагогического: он хотел, чтобы я был воспитан с учетом последних достижений отечественной науки.

В институте папа дважды переводился с одного факультета на другой: сначала с факультета дошкольного воспитания на логопедический (я никак не мог выговорить трудную букву «р»), а когда я пошел в школу, папа перевелся на филфак (он все время опасался, что я напишу «жи» и «ши» не с той гласной, с какой следует).

Когда я все-таки закончил школу, папа очень хотел, чтобы я поступил в педагогический институт. Однако я не оправдал папиных желаний, и ему пришлось расстаться со своей педагогиче-

ской деятельностью. После того, как приемная комиссия института кинематографии, куда я попробовал поступить, настоятельно посоветовала мне заняться чем-нибудь другим, по возможности, даже отдаленно не относящимся к кино, папа пошел со мной в армию.

Как человека с высшим образованием папу назначили старшиной роты. Он водил нас строем в столовую, баню, объявлял наряды. Словом, с головой ушел в свою новую службу. Ему даже рекомендовали поступить в военное училище, но, посоветовавшись со мной и выяснив, что сам я в это училище поступать не собираюсь, папа отказался.

Прошло время, и я все-таки стал киноартистом. Правда, для этого папе пришлось стать режиссером: должен же был кто-то приглашать меня сниматься. Я играл во всех папиных фильмах. В печати их неизменно хвалили за хорошую постановку и ругали за плохую актерскую игру. Папа усиленно занимался со мной по системе Станиславского, и вот наконец папина картина получила на международном кинофестивале в городе Сан-Узелсе сразу две премии: за лучшую режиссуру и за лучшее исполнение мужской роли. Приз за лучшую мужскую роль — «Золотого жирафа» — получил... мой папа. Да, да, именно он был признан лучшим актером фестиваля, хотя сыграл он лишь крошечный эпизод без слов: просто проходил перед камерой и любящим взглядом смотрел на своего главного героя — на меня.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ

ОЛИМПИЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1920

VII Олимпиада

АНТВЕРПЕН. ЗДЕСЬ ВПЕРВЫЕ СПОРТСМЕНЫ ПРОИЗНЕСЛИ ТОРЖЕСТВЕННУЮ ОЛИМПИЙСКУЮ КЛЯТВУ И БЫЛ ПОДНЯТ ОЛИМПИЙСКИЙ ФЛАГ.

Флаг произвел такое сильное впечатление, что его даже похитили.

Иржи НОВАК
(Чехословакия)

ИЗВИНЕНИЕ

— Алло, это пан Мрачно?
— Да, что вам угодно?
— Вы левый нападающий «Спартака»?
— Я... Будете ругать?
— Совсе нет. У меня только один вопрос: вы действительно не могли вчера при счете один—два в пользу соперника забить тот гол? Ведь вы вышли один на один с вратарем...

— Послушайте, уважаемый, вы сегодня по меньшей мере двадцатый, кто меня об этом спрашивает. Это было на последней минуте, ноги у меня подгибались, судорога схватила. Вы там были? Были? Серьезно? Так вы должны были видеть, что мне за время встречи два раза оказывали медицинскую помощь. У меня колено с дыню. Но я все равно ударил, как мог. Не сильный был удар, скорее техничный. Точно около штанги. Но реакция этого вратаря, как его там... Ага, Коцек! Фантастическая была реакция, должен признаться, такое может случиться один-два раза в сезон. Да разве болельщики поймут!

— Не надо объяснять, пан Мрачно. Я все это понимаю, я хотел только извиниться перед вами за всех и особенно за себя. У вас, наверное, неприятности — газеты ругают, от игроков досталось, да и тренер вас теперь не скоро выпустит на поле... Правда, я очень извиняюсь.

— Вы? Да вы-то тут при чем?
— При том. Я тот самый Коцек, вратарь.

Перевела О. СУВОРОВА.

Оливер ХАРРИНГТОН (США)

БЕСКОНЕЧНАЯ ТРЕНИРОВКА

Сергей ХАЗАНОВ

Рассказ

КАРЬЕРА

Толпа редела, как Днепр широкий: шло распределение. Кто готовился двигать науку, кто — производство, но делать это все собирались в Москве. Пускай на периферии — перспективы, романтика дальних краев, а зато здесь — научные залы «Ленинки», банкетные — «Праги» и недоступный, но интригующий — Театра на Таганке...

Юра держался особняком, полный сладкого чувства — свободы. Впервые вкусил он ее, взяв курсовую у Игоря Семеныча. Игорь Семеныч, как и Юра, оказался с Урала, лет пять назад защитился в Москве, потом вдруг женился, так вот в столице и застрял; тут ему (если антр ну) не особо и нравилось: вакансии всегда закрыты, и давно уже лелеял он мысль уехать домой заведовать кафедрой, там защитить докторскую и уж тогда, возможно, вернуться — на лихом научном коне.

Постепенно этой идеей проникся и Юра. Там, на Урале, его ждала работа с любимым шефом, защита кандидатской, потом докторской... Заявка с Урала уже пришла, они с Игорем Семенычем даже съездили осмотреться и очень остались довольны: тишина, лес, лыжи, начальство шелковое — работай! Игорь Семеныч на днях тоже должен был оформить отъезд — в последнюю встречу их, с месяц назад, — попрощался, сказав, что будет ждать прямо на месте.

Наконец вызвали Юру. От комиссии шел пар — выпускники, не боясь трудностей, стойко держались за места под солнцем столицы.

— Итак, юноша. Заявку уже припасли?

— Припас

— Москва или область? — привычно спросил председатель.

— Не совсем, — виновато смутился Юра, — Урал.

— В как-ком смысле? — брови комиссии поползли вверх. — Студент вроде нормальный, и тема очень интересная, откуда ж столько энтузиазма? Только кратенько, в двух словах...

— В двух словах, — сказал Юра, — не расскажешь.

— Что ж, жаль, жаль, — протянул председатель, — а мы-то хотели на кафедре вас оставить...

— Э!.

— И в аспирантуру зачислить, к профессору Клюкину.

Юра зажмурился, пытаясь вызвать образ заснеженной опушки (где решили они с шефом возводить новый корпус), услышать звонкую тишину уральского леса, но в душу лезли Лужники, бурлящие во время ярмарки, а в уши — ритмы университетской дискотеки. Дальше, как и положено, в мозгу его промелькнули картинка блестящего будущего — вот он, молодой ассистент, блестяще ведет семинар, разясняя тупым студентам самые тонкие вещи; вот он, надежда нашей науки, идет по фойе Дома ученых, и рафинированные «дочки» (в коже да замше) не спускают с него замороженных глаз... Жизнь, ослепительно яркая, как новенькие «Жигули», приоткрылась на миг перед Юрой, и, как знать, заманишь ли снова ее, эту жар-птицу, или же скроется хитрая, воспарит, растет...

По дороге на кафедру сияющий Юра уверял себя, что вовсе не предавал шефа, что поступил так ради его же блага, что... Впрочем, себя убедить нам всегда нетрудно.

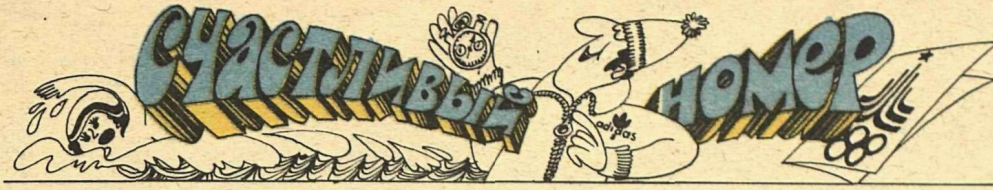
— А Игорь Семеныч уже перевелся, — отстукала секретарша, — да ты разве не знал?

— Знал, — подтвердил Юра, — и как он вообще?

— В административном восторге, — усмехнулась та, — как никак отделом командует. Погоди, столько еще натворит, для докторской хватит. Недаром три года место это высиживал. Так что не теряй времени, езжай прямо туда.

— Поздно уже, — покраснел Юра. — Далеким покажется путь.

— Да где же далеким, — изумилась женщина, — ты что, в нашем филиале не был? Два остановки всего на трамвае.

Вы, конечно, слышали такие имена, как Пекушкин, Кривоносова, Ухов с Шабариновым? Верно, кто же их не знает! Кривоносова — признанный талант. Ухов с Шабариновым — международные знаменитости. А Пекушкин... Недавно его по телевидению показывали — в Токио он отличился.

Так вот, их таланты раскрылись, когда мы все в одном главке работали. Главк с виду был очень солидный: целых восемь этажей ввысь устремились. А в длину! Смотришь, бывало, из одного конца коридора, а противоположный где-то далеко в тумане расплывается. По бокам — двери, двери...

Все началось с мелочи. С номерка, что к двери комнаты был прибит. Тетя Шура, уборщица, дай ей бог здоровья, прогнула как-то нечаянно шваброй прямиком по пластмассовой пластинке. Та возьми и расколится на кусочки. Только два шурупа остались сиротливо торчать на голой двери. Тете Шуре-то что? Осколки на совок — и в мусор.

Мы, ничего не подозревая, явились утром на работу. С трудом свою комнату отыскали. Номерка-то нет! Сидим — скучаем. Ждем, когда дело какое подбросят. Мимо, слышим, курьеры да секретарши вихрем проносятся: пакеты, бумаги разносят по кабинетам, на совещания и летучки сотрудников созывают. К нам, само собой, не заглядывают. Открывают

лишь те двери, где номерки пластмассовые призывно сияют. ...Прошло несколько дней. Видим, тяжко без работы-то. Раньше, бывало, до шести дотягивали, почти не утомляясь, а теперь туговато стало. Слоняемся из угла в угол. День будто втрое удлинился. Домой возвращаемся совершенно разбитые, вымотанные.

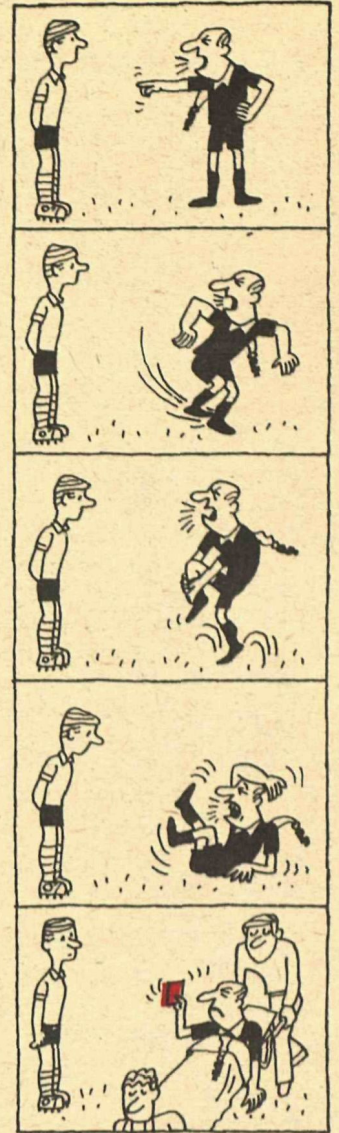
Первой нашла себе занятие Людочка Кривоносова. С огромной спортивной сумкой однажды пришла. А на сумке красочное клеймо — «Адидас». Взглянув на наши недоуменные лица, Людочка объяснила, что записалась в плавательную группу. Не то ускоренную, не то интенсивную...

Лиха беда начало. Вскоре Ухов шахматы раздобыл. Первое время в одиночестве по самоучителю фигуры на доске переставлял. Шабаринов не выдержал — к Ухову подключился; и пошли они резаться с утра до вечера.

Обнаружилось хобби и у Пекушкина, самого младшего нашего коллеги: в гимнастику он ударился. Взял два стула и стойки на руках без конца выжимать начал. Здорово это у него получалось. Решил и я делом заняться — стал помогать Кривоносовой ее «Адидас» таскать — сперва до бассейна, а потом и к ней на квартиру...

Зарплату же мы два раза в месяц получали исправно. Как в любом другом учреждении. И сейчас бы, наверное, продолжали ходить в главк на службу, но ликвидировали его — на подглавки поделили. Мы же под сокращение попали.

Теперь вот я тренирую перспективных ребят в бассейне. С Уховым и Шабариновым, правда, уже давненько не встречался — они то на сборах, то на соревнованиях. Без конца в разъездах. Гроссмейстеры! Пекушкин в Токио за упражнения на «коне» девять и девять десятых получил. А жену мою Людочку, то есть мастера спорта международного класса Людмилу Кривоносову (бывшую просто Кривоносову), собираются включить в сборную по плаванию! Если это случится, то о, счастье! — минимум один билет на Олимпиаду мне обеспечен!

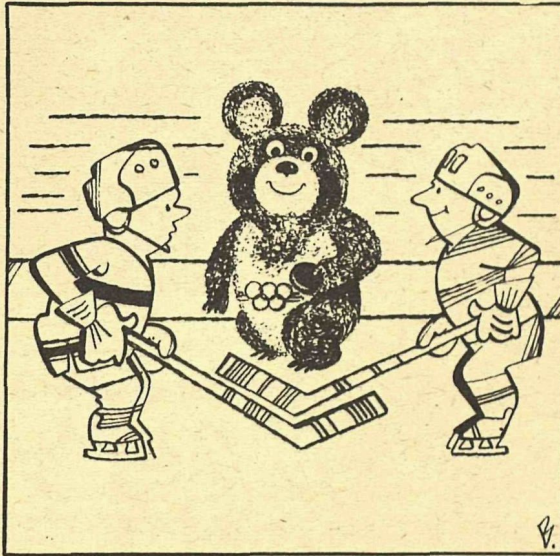

Гарри ПАРШАУ (ГДР)

Мысли перед стартом

Каждый метатель молота — сам кузнец своих медалей.

Она пробегала стометровку за одиннадцать секунд, если не встречала по дороге подругу.

М. ВАЙСБОРД (Москва) ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ

Э. СВРЧЕК (Чехословакия)

«В докладе и выступлениях товарищей правильно сказано о том позоре для коллектива, который я сделал, попав в медвытрезвитель. Я признаю свою вину, прошу прощения и обязуюсь в дальнейшем пить в полумеру».

(Из выступления на собрании).
Прислал В. Ульянов, г. Фрунзе.

«Других интересующих вас лиц установим следующей проверкой и вышлем почтой дополнительно».

(Из служебного письма).

«Главный бухгалтер во исполнение своей служебной обязанности напился до невменяемости».

(Из акта).
Прислал Ф. Зайцев, г. Гомель.

«Нижнее белье у девочек и мальчиков должно состоять из рубашки и штанишек. Зимой более целесообразно иметь их с рукавами».

Газета «Златоустовский рабочий».

«При задержании гр-н Щенникова и Неклюдова пострадавший был утерян».

(Из рапорта).
Прислал Ю. Юдин, г. Куйбышев.

«Все соответствующие документы я подписал директором».

(Из объяснения мастера участка).
Прислал В. Романов, г. Чарджоу.

«Продается коза козодойная с шерстью».

(Объявление).
Прислала С. Архипова, г. Олонец.

«Автопредприятию требуются пенсионеры для подогрева».

(Объявление).
Прислал А. Гарбуз, г. Харьков.

№ 6 (2304)

февраль

Главный редактор Е. П. ДУБРОВИН.

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора), А. Б. ГОЛУБ, Б. Е. ЕФИМОВ, А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор), Г. О. МАРЧИК, И. М. СЕМЕНОВ, М. Г. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ (ответственный секретарь).

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

НАШ АДРЕС:
101455,
МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали:
Г. Андрианов, М. Вайсборд, Б. Воробьев, Н. Лисогорский, Н. Малов, В. Мохов, И. Норинский, И. Семенов.

Технический редактор В. Г. МОЧАЛОВ. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 30.01.80. Подписано к печати 6.02.80. А 06525. Формат бумаги 70×108¹/₈. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1—3 598 060). Изд. № 516. Заказ № 1899.

© Издательство «Правда». «Кронодил». 1980 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

НОВЫЙ «ВЕЛИКИЙ КОРМЧИЙ»

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО